

УДК 159.9

Горьковая И.А., Микляева А.В.

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, Российская Федерация*

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА БЕЗОПАСНОСТИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ КАК ПРЕДИКТОР ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ МОЛОДЁЖИ

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является анализ вклада оценок безопасности городской среды в показатели жизнеспособности молодёжи.

Процедура и методы. Проанализированы результаты опроса 207 юношей и девушек 17–23 лет из разных регионов России, проведённого с помощью Опросника жизнеспособности детей и молодёжи, а также анкеты на основе Шкал социальной и медицинской оценки.

Результаты. Анализ показал, что конструктор «безопасность городской среды» представлен в сознании молодёжи преимущественно угрозами, связанными с возможностью виктимизации со стороны людей, не входящих в ближайшее окружение. Оценка безопасности городской среды является значимым предиктором жизнеспособности молодёжи.

Теоретическая и/или практическая значимость. В заключении сформулированы предложения по разработке программ укрепления жизнеспособности молодежи: анализ установок в отношении безопасности городского пространства и формирование навыков безопасного поведения в городской среде.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

жизнеспособность, молодёжь, оценка безопасности городской среды, предикторы жизнеспособности, гендерные различия

БЛАГОДАРНОСТИ

Мы благодарны нашим коллегам, руководителям проекта – доктору М. Унгару (Университет Далхаузи, Канада), профессору Л. Терон (Университет Претории, Южная Африка) и А. В. Махначу (Институт психологии РАН, Москва), разработавшим концепцию проекта.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-513-60001 «Жизнеспособность подростков в условиях экологических и социально-экономических вызовов: исследование в рамках нескольких систем».

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Постановка проблемы исследования](#)

[Материалы и методы](#)

[Результаты исследования и их обсуждение](#)

[Заключение](#)

I. Gorkovaya, A. Miklyaeva

Herzen State Pedagogical University of Russia

48 naberezhnaya reki Moiki, 191186, Saint-Petersburg, Russian Federation

SUBJECTIVE ASSESSMENT OF URBAN ENVIRONMENT SECURITY AS A PREDICTOR OF YOUTH RESILIENCE

ABSTRACT

Aim. Analysis of the contribution of urban safety assessments to youth resilience.

Methodology. The authors analyzed the results of a survey of 207 male and female respondents aged 17–23 years from different regions of Russia, which was conducted with Child and Youth Resilience Measure and questionnaire on the basis of Social and Health Assessment Scales.

Results. The “safety of the urban environment” construct for young people is represented mainly by threats associated with the possibility of victimization by people who are not in the immediate environment. The assessment of urban environment safety is a significant predictor of the youth resilience.

Research implications. Proposals for the development of programs for strengthening the resilience of youth are formulated: the analysis of attitudes regarding the safety of urban space and the formation of safe behavior skills in an urban environment is presented.

KEYWORDS

resilience, youth, urban environment safety assessment, predictors of resilience, gender differences

ACKNOWLEDGMENTS

We are grateful to our colleagues, project leaders – Dr. M. Ungar (Dalhousie University, Canada), Professor L. Theron (University of Pretoria, South Africa) and A. V. Makhnach (Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow), who developed the concept of the project.

This study was funded by Russian Foundation of Basic Research, project no. 19-513-60001 “Adolescent Resilience to Environmental and Socioeconomic Challenges: A Study of Multiple Systems”.

ВВЕДЕНИЕ

В современной психологии большое распространение получают исследования жизнеспособности молодёжи и определяющих её факторов. Этот интерес обусловлен как значимой ролью жизнеспособности в структуре психологических переменных, обуславливающих адаптацию личности к изменяющемуся контексту жизненных обстоятельств, так и критической важностью данного этапа личностного становления для формирования и укрепления жизнеспособности юношей и девушек [5; 6; 8].

Жизнеспособность определяется как индивидуальная способность человека управлять своими мотивационными, эмоционально-волевыми и когнитивными ресурсами в контексте динамичных средовых и социальных условий осуществления жизнедеятельности [9]. В различных исследованиях продемонстрированы взаимосвязи жизнеспособности с такими компонентами адаптационного потенциала личности, как адекватная самооценка, продуктивные копинг-стратегии и эффективное целеполагание [5], способность к эмоциональной саморегуляции в контексте управления отрицательными эмоциями [11], а также взаимосвязи с позитивным опытом преодоления трудностей и субъективно оцениваемыми ресурсами социальной поддержки [14]. При этом жизнеспособность, согласно современным трактовкам, не является результирующей характеристикой (то есть устойчивым качеством человека), а представляет собой процессуальную переменную, выполняющую функцию координации взаимодействия между биологическими, психологическими и социальными особенностями человека, с одной стороны, и особенностями среды его жизнедеятельности, с другой стороны [8].

Так, согласно подходу С. Фергуса и М. Зиммермана, жизнеспособность должна рассматриваться как процесс преодоления негативных последствий неблагоприятных воздействий, избегания связанных с ними негативных траекторий и преодоления травматических переживаний [15]. М. Унгар и соавторы в рамках предложенного ими дифференциального подхода к анализу жизнеспособности сформулировали и эмпирически подтвердили тезис о том, что взаимосвязь между жизнеспособностью и поведенческими результатами личности на различных этапах её становления опосредована влиянием средовых условий жизнедеятельности («социальных экологий») [24]. А. Мастен отмечает, что становление жизнеспособности человека в контексте его психического и личностного развития определяется взаимодействием адаптационных систем, функционирующих на разных уровнях организации человека (от физиологического до социокультурного), что определяет изменчивость показателей жизнеспособности человека, обусловленную динамикой взаимодействия человека и среды его жизнедеятельности (в широком смысле) [20]. Ф. Шульце-Люттер и соавторы подчёркивают, что жизнеспособность является функцией взаимодействия между индивидами и окружающей их средой, в процессе которого посредством поведенческих и/или физиологических изменений достигается и поддерживается стабильность в контексте существующих или возможных стрессоров, что позволяет концептуализировать жизнеспособность как характе-

ристику, определяемую соотношением факторов риска и факторов защиты (протективных факторов) [23].

В контексте процессуальной трактовки жизнеспособности особую актуальность приобретают исследования, направленные на выявление факторов риска, оказывающих влияние на становление жизнеспособности молодёжи. Опираясь на результаты эмпирических исследований, представленные в литературе, можно констатировать, что в число этих факторов входит безопасность, представляющая собой одну из базовых потребностей человека [19; 21]. Как отмечает Р. М. Шамионов, удовлетворение потребности в безопасности находит отражение в субъективном благополучии человека, его удовлетворённости собственной жизнью [13]. Психологические трактовки безопасности предполагают необходимость оценки данного фактора во взаимодействии трёх взаимосвязанных аспектов: наличия/отсутствия объективных угрожающих факторов, наличия/отсутствия опыта преодоления потенциально опасных ситуаций и субъективная оценка опасности/безопасности тех или иных аспектов жизнедеятельности [7]. Для психологических исследований безопасности принципиально важно, что чувство безопасности как результат удовлетворения соответствующей потребности представляет собой продукт психического отражения и является субъективным образом объективной ситуации жизнедеятельности, в котором преломляются объективные условия физического и социального функционирования [1; 4].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение вклада оценок безопасности городской среды в показатели жизнеспособности молодёжи. В литературе имеются убедительные данные о том, что высокие субъективные оценки безопасности среды взаимосвязаны с удовлетворенностью качеством жизни и психологическим благополучием личности [2; 3; 12]. Эти факты позволяют предположить наличие определённого вклада психологической безопасности в показатели жизнеспособности личности. Тем не менее в исследованиях показано, что значимость безопасности места жительства не входит в число главных характеристик качества жизни молодых людей в условиях современной российской действительности [17]. В связи с этим возникает вопрос о размере и характере вклада субъективных оценок безопасности городской среды. Исходя из представлений о многоаспектности оценок безопасности среды проживания, которая проявляется в тесной взаимосвязанности реального жизненного опыта и субъективных представлений о возможных угрозах, можно сформулировать предположение о том, что в

основе противоречивости имеющихся эмпирических данных лежат разные по своей природе сведения об оценках безопасности. Кроме того, описана гендерная специфичность оценок безопасности жизненного пространства [12], которая, вероятно связана с магистральными социальными представлениями о различиях потенциальных угроз для женщин и мужчин в среде проживания [10]. В связи с этим возникает вопрос о том, различается ли характер взаимосвязей жизнеспособности и субъективных оценок среды безопасности для юношей и девушек.

Суммируя сказанное выше, перечислим основные исследовательские вопросы, поиск ответов на которые осуществлялся в ходе эмпирического исследования:

- 1) Каково содержание конструкта «безопасность городской среды» для молодёжи?
- 2) Каков характер взаимосвязей между жизнеспособностью молодых людей и их оценками безопасности среды проживания?
- 3) Характеризуются ли взаимосвязи между жизнеспособностью молодых людей и их оценками безопасности среды проживания гендерной специфичностью, и, в случае положительного ответа на этот вопрос, в чём проявляется гендерная специфичность?

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирические материалы, представленные в статье, получены в ходе международного исследования по программе “Resilient Youth in stressed environments” («Жизнеспособная молодёжь в стрессовых условиях», RYSE). Оценка жизнеспособности осуществлялась с помощью Опросника жизнеспособности детей и молодёжи (CYRM-28) [25], адаптированного для русскоязычных респондентов. Опросник включает 28 утверждений, образующих 3 шкалы: индивидуальная жизнеспособность (индивидуальные ресурсы, включая личные навыки, такие как способность решать проблемы, сотрудничество и осознание своих сильных сторон, поддержка сверстников и социальные навыки; диапазон значений от 7 до 35 баллов), семейная жизнеспособность (ресурсы семейной поддержки, определяемые качеством отношений с родителями или заменяющими их лицами; диапазон оценок – 7–35 баллов) и контекстуальная жизнеспособность (ресурсы культуры, религиозных и духовных убеждений, образования; диапазон оценок – 14–70 баллов). Суммарный показатель жизнеспособности рассчитывается как совокупное значение всех пунктов опросника.

Для анализа оценок безопасности на улицах города использовалось анкетирование. Структура анкеты приведена в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Структура анкеты, направленной на изучение оценок безопасности на улицах города / Structure of a questionnaire aimed at studying safety assessments on city streets

Основные домены	Методики/шкалы	Диапазон значений
Опыт переживания событий, угрожающих безопасности, и его оценка	Вопросы из шкалы «Социальная и медицинская оценка» (Social and Health Assessment, SAHA*): 1) «Вспомните самое неприятное или пугающее событие, произошедшее с Вами за последний год. Где это случилось?» (в школе; дома; в Вашем районе; в другом месте); 2) «Думая об ответе на первый вопрос, скажите, насколько сильно это событие задело Вас, в то время, когда оно случилось?»	1) Дихотомическая шкала, 0–1; фиксировались ответы «в Вашем районе» или «Другое» («на улице», «в парке» и т. д.) 2) 0–4
Опыт виктимизации	Шкала «Виктимизация сообществом», входящая в Опросник подверженности насилию* [22]	0–28
Степень травматизации пережитыми угрожающими событиями	Дополнительные пункты Индекса посттравматической стрессовой реакции ребенка (CPTS-RI) [18], связанные с оценкой влияния угрожающего события на повседневную жизнь*	0–12
Субъективная оценка безопасности социальных отношений в районе проживания	Шкалы восприятия соседства*	10–40
Субъективная оценка безопасности среды проживания	Предложено авторами статьи: «Оцените уровень безопасности на улицах Вашего города». Помимо этого, респондентам был предложен открытый вопрос: «Перечислите угрозы безопасности, с которыми сталкиваются жители Вашего города»	1–10

Примечание: * Ruchkin V., Schwab-Stone M., Vermeiren R. Social and Health Assessment (SAHA): Psychometric development summary. New Haven, CT: Yale University. 2004. URL: <https://www.scienceopen.com/document?vid=25ea2912-527c-41fc-bfc2-a5d2558694cc> (дата обращения: 20.05.2020).

В исследовании приняли участие 207 респондентов в возрасте 17–23 года (средний возраст $18,18 \pm 1,39$ лет, 57,5% женщин), обучающиеся в средних специальных и высших учебных заведениях в различных регионах

России (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Смоленск, Череповец). Респонденты принимали участие в исследовании добровольно на основе информированного согласия. Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью онлайн-инструмента Google Forms.

Для обработки эмпирических данных применялся пакет прикладных статистических программ "Statistica12.0", с помощью которого рассчитывались описательные статистики ($M \pm \sigma$), осуществлялся сравнительный (T -критерий Стьюдента; φ^* -критерий Фишера), корреляционный (r -коэффициент Пирсона), дисперсионный (F) и регрессионный (β) анализ. Обработка качественных данных осуществлялась с помощью индуктивного контент-анализа с последующим расчётом устойчивости выделенных семантических единиц.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в содержании конструкта «безопасность городской среды» у молодёжи доминирует оценка угроз, связанных с возможной виктимизацией людьми, не входящими в ближайшее социальное окружение. Именно эти угрозы составляют более двух третей в ответах респондентов (независимо от пола) на открытый вопрос «Перечислите угрозы безопасности, с которыми сталкиваются жители вашего города» (рис. 1).

Рис. 1 / Fig. 1. Содержание конструкта «безопасность городской среды» в выборках юношей и девушек / The content of the construct "safety of the urban environment" in samples of boys and girls

Представленные на рисунке 1 данные получены в ходе контент-анализа свободных высказываний респондентов, осуществлённого по основанию «источник угрозы». Чаще других в качестве потенциальных источников угрозы респонденты упоминали других людей («неадекватных»), «в состоянии ал-

когольного опьянения», «гопников» и т. д.) или же указывали на возможность стать жертвой преступления («мошенничества», «воровства», «побоев», «изнасилования»). Техногенные и экологические угрозы в общей совокупности ответов встречались достоверно реже ($\varphi^*=7,75$, $p<0,01$). Ответы, не относящиеся к категориям «межличностные угрозы», «экологические угрозы» и «техногенные угрозы», встречались в единичных случаях, частота их появления не превышала порог статистической устойчивости.

Анализ показателей, характеризующих оценки безопасности района проживания, свидетельствует о том, что девушки воспринимают окружающее социальное пространство как несколько более опасное, в сравнении с юношами, несмотря на то, что реальный опыт переживания событий, угрожающих безопасности, в выборках юношей и девушек практически не различается. Такие события упоминают 45,8% девушек и 40,0% юношей (различия статистически недостоверны, $\varphi^*=0,82$, $p>0,05$). Согласно результатам шкалы «Последствия посттравматического стресса», интенсивность воздействия упоминаемых респондентами событий на их жизненное благополучие в выборках юношей и девушек было соизмеримо, при этом в большинстве случаев влияние угрожающих безопасности событий было локальным и не сказалось существенно на повседневном функционировании ($1,40\pm 2,19$ в выборке юношей и $1,78\pm 2,16$ в выборке девушек, учтены данные только тех респондентов, которые упомянули опыт переживания события, угрожающего безопасности, произошедшего в районе их проживания или на улице). Юноши и девушки примерно одинаково (с преобладанием умеренных показателей) оценивают степень потенциальной опасности со стороны окружающих людей ($27,47\pm 3,98$ и $26,87\pm 3,16$ соответственно, $T=1,12$, $p>0,05$), а также степень виктимизации ($0,89\pm 1,80$ и $0,46\pm 1,35$ соответственно, $T=1,90$, $p>0,05$), в целом демонстрируя низкие показатели по данному параметру. Однако, девушки достоверно чаще, чем юноши, указывают на то, что в районе их проживания присутствуют потенциально опасные места, которых они стараются избегать (39,8% против 20,0%, $\varphi^*=3,09$, $p<0,01$) и достоверно ниже оценивают степень безопасности в городе в целом ($6,10\pm 1,63$ против $6,92\pm 2,04$, $T=2,16$, $p<0,05$). На основании этих данных можно предположить, что субъективные оценки безопасности в выборке юношей в большей степени детерминированы их реальным жизненным опытом, в том числе опытом переживания событий, угрожающих безопасности, тогда как в выборке девушек эти оценки, вероятно, в меньшей степени связаны с их реальным жизненным опытом, опираются на социальные представления о большей потенциальной уязвимости женщин в сравнении с мужчинами [10].

Результаты дисперсионного анализа подтверждают правомерность вывода о разной детерминированности субъективных оценок безопасности в регионе проживания, полученных в выборках юношей и девушек. Как можно увидеть на рисунке 2, субъективные оценки безопасности среды

проживания в выборке юношей определяются наличием или отсутствием реального опыта переживания событий, представляющих угрозу безопасности, тогда как оценки девушек не зависят от тех событий, которые произошли в их жизни.

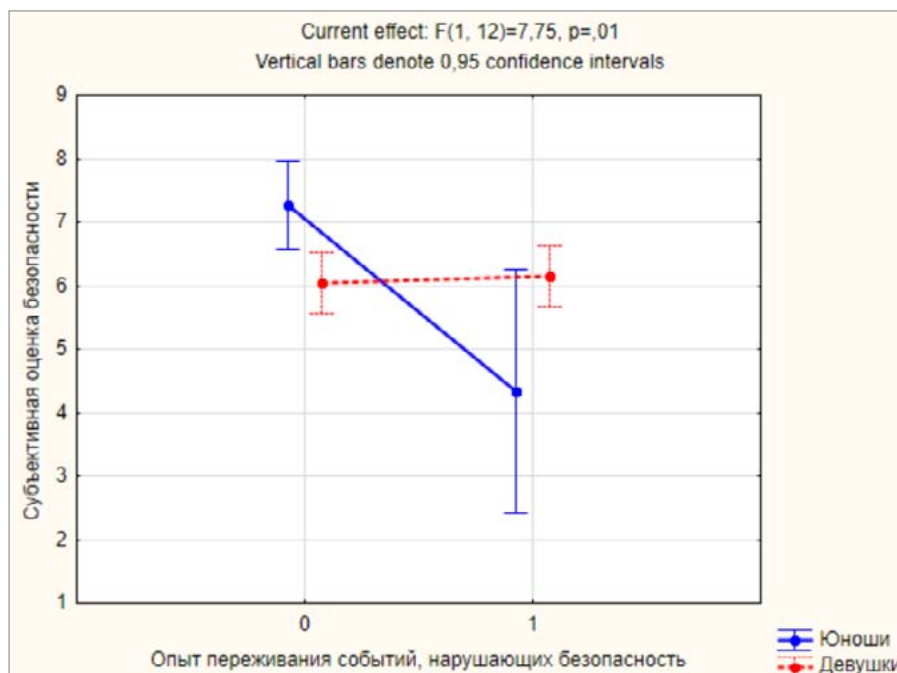

Рис. 2 / Fig. 2. Результаты дисперсионного анализа, иллюстрирующие зависимость субъективных оценок безопасности среды проживания девушками и юношами с разным опытом переживания событий, нарушающих безопасность / Analysis of variance results illustrating the dependence of the living environment safety subjective assessments by girls and boys with different experiences of events that violate safety

Примечание: 0 – угрожающие безопасности события не упоминались; 1 – угрожающие безопасности события упоминались

В целом, результаты, характеризующие оценки безопасности городской среды, не совпадают с данными, представленными в литературе ранее, согласно которым женщины склонны оценивать безопасность жизненного пространства несколько выше, чем мужчины [12]. Вероятно, отмеченное расхождение результатов связано с различиями в подходах к измерению оценок безопасности, что еще раз подчеркивает сложность и многоаспектность данного феномена.

Отметим, что в подавляющем большинстве случаев (205 из 207) юноши и девушки в качестве угрожающих событий, которые им пришлось пережить на улицах города, упоминали события с лёгкой или средней степенью угрозы (субъективная оценка значимости – $1,47 \pm 1,04$ при максимально возможной оценке в 4 балла, и, следовательно, с относительно низкой степенью потенциальной травматичности). Вероятно, именно этим обусловлен тот факт, что в обследованной выборке преобладают респонденты с высоким уровнем жизнеспособности: их количество составило 59,9% от общего числа участников исследования. У 39,6% респондентов отмечается средний уровень жизнеспособности, респонденты с низким уровнем жизнеспособности составляют менее 1%. Анализ средних значений не позволил выявить достоверных различий суммарного показателя жизнеспособности, а также его составляющих, в выборках юношей и девушек (табл. 2). Несмотря на то, что в выборке девушек высокие показатели жизнеспособности встречаются несколько чаще, чем в выборке юношей, уровневые различия показателя жизнеспособности также оказались статистически недостоверными ($61,7\%$ против $52,9\%$, $\varphi^*=1,27$, $p>0,05$).

Таблица 2 / Table 2

Средние значения и стандартные отклонения показателей жизнеспособности и его составляющих в выборках юношей и девушек / Average values and standard deviations of vitality indicators and its components in samples of boys and girls

Параметры	M±σ			T (p)
	По выборке в целом	В выборке юношей	В выборке девушек	
Жизнеспособность (сумм.)	104,68±19,62	103,82±23,28	105,29±16,60	0,53 (0,60)
Индивидуальная жизнеспособность	27,66±5,13	27,26±6,28	27,94±4,12	0,94 (0,35)
Семейная жизнеспособность	27,06±6,09	27,01±6,69	27,10±5,66	0,10 (0,92)
Контекстуальная жизнеспособность	49,96±9,81	49,55±11,44	50,25±8,49	0,50 (0,62)

В результате анализа корреляционных взаимосвязей между показателем жизнеспособности и его отдельных составляющих, с одной стороны, и оценками безопасности на улицах города, с другой стороны, в обеих выборках были получены вполне объяснимые отрицательные взаимосвязи жизнеспособности с оценками травматических последствий переживания ситуаций реальной угрозы безопасности ($-0,34 \leq r \leq -0,28$, $p \leq 0,05$ в выборке девушек и $-0,56 \leq r \leq -0,54$, $p \leq 0,01$ в выборке юношей), а также положительные взаимосвязи жизнеспособности, оценок воспринимаемого социального соседства и безопасности среды проживания ($0,23 \leq r \leq 0,42$, $p \leq 0,05$ в выборке девушек).

и $0,27 \leq r \leq 0,67$, $p \leq 0,05$ в выборке юношей). Эти взаимосвязи указывают на правомерность гипотезы о том, что воспринимаемая безопасность среды проживания вносит вклад в формирование и укрепление жизнеспособности молодых людей. При этом оценки виктимизации сообществом обнаружили отрицательные связи с показателями жизнеспособности только в выборке девушек ($-0,37 \leq r \leq -0,29$, $p \leq 0,05$), а не в выборке юношей, что, вероятно, указывает на большую нормативность этого опыта для юношей, в сравнении с девушками, и, как следствие, на меньшее влияние опыта виктимизации (безусловно, в случае, если он не слишком существенен) на показатели жизнеспособности. В целом корреляционная плеяда, построенная на материале эмпирических данных, полученных в выборке юношей, отличается значительно меньшей плотностью, в сравнении с выборкой девушек (12 статистически значимых корреляционных взаимосвязей против 25 из 28 потенциально возможных), что может интерпретироваться как большая вариативность опыта проживания потенциальных угроз юношами, в сравнении с девушками, в аспекте вклада этого опыта в становление их жизнеспособности.

Регрессионный анализ позволил уточнить направленность взаимосвязей, обнаруженных при анализе корреляционных матриц (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Результаты регрессионного анализа: вклад оценок безопасности среды проживания в жизнеспособность юношей и девушек / Regression analysis results: the contribution of assessments of the living environment safety to the viability of boys and girls

Зависимая переменная	Выборка	Предикторы	β	Std.Err. of β	p	Характеристики модели
Жизнеспособность (сумм.)	девушки	Виктимизация сообществом	-3,72	1,13	0,001	R ² =0,33
		Восприятие соседства	1,64	0,46	0,01	
	юноши	Травматические последствия	-3,96	2,07	0,05	R ² =0,45 F(7,18)=2,10
	Индивидуальная жизнеспособность	девушки	Виктимизация сообществом	-0,78	0,30	0,01
Восприятие соседства			0,27	0,12	0,05	
юноши		Травматические последствия	-2,11	0,70	0,01	R ² =0,39

Продолжение таблицы 3 на следующей странице

Зависимая переменная	Выборка	Предикторы	β	Std.Err. of β	p	Характеристики модели
Семейная жизнеспособность	девушки	Травматические последствия	-0,67	0,25	0,001	R ² =0,17
		Виктимизация сообществом	-0,79	0,15	0,05	
		Восприятие соседства	0,28	0,14	0,05	
	Юноши	Травматические последствия	-1,82	0,41	0,001	R ² =0,33

Результаты регрессионного анализа свидетельствуют о том, что наиболее чувствительными к оценкам безопасности городской среды являются такие компоненты жизнеспособности, как индивидуальная и семейная жизнеспособность. Этот результат, на наш взгляд, довольно интересен, поскольку на фоне вполне объяснимого негативного влияния высоких оценок безопасности на индивидуальную жизнеспособность, связанную с личными навыками, обеспечивающими адаптацию к различным сторонам жизни, свою уязвимость к реальным или потенциальным угрозам продемонстрировали показатели семейной жизнеспособности, которые характеризуют качество взаимоотношений молодёжи с близкими, в том числе объём семейной поддержки. Вероятно, в этом находит отражение тот факт, что молодые люди не всегда готовы сообщать своим родным об имеющемся опыте переживания угрожающих событий или потенциальных угрозах, в силу чего такой опыт может оказывать негативное влияние на характер отношений с родителями. В пользу этого предположения, в частности, говорит значительно более высокий коэффициент детерминации для показателя семейной жизнеспособности, полученный в выборке юношей (в сравнении с выборкой девушек), что может быть связано с большей закрытостью соответствующих тем именно в коммуникации юношей с родителями, и, как следствие, более негативное влияние на семейную жизнеспособность реального или потенциального опыта угрожающих событий. Девушки, которые могут быть в большей степени открытыми для обсуждения проблематики, связанной с безопасностью, оказываются в этой связи в более благоприятной ситуации, связанной с возможностью сохранения поддержки со стороны семьи, что согласуется с результатами ранее опубликованных исследований [16].

Характер взаимосвязей показателя жизнеспособности и её отдельных компонентов с оценками безопасности городской среды в выборках деву-

шек и юношей довольно существенно различается. В выборке юношей вклад в показатели жизнеспособности вносит только показатель травматических последствий реально пережитого события, угрожавшего безопасности: полученный травматический опыт в этом случае выступает отрицательным предиктором показателей жизнеспособности. В выборке девушек наблюдается иная картина: здесь отрицательным предиктором жизнеспособности является показатель виктимизации сообществом, а положительным – показатель субъективной оценки безопасности социальных отношений в районе проживания. Учитывая, что в структуру показателя виктимизации сообществом в выборке девушек основной вклад вносит субъективная оценка частоты ситуаций преследований и угроз, но не реального причинения вреда, можно отметить, что жизнеспособность девушек определяется преимущественно их субъективными представлениями о степени опасности-безопасности в среде проживания, и в меньшей степени, чем в случае юношей, определяется реальным опытом переживания угрожающих ситуаций. Эти предположения соотносятся с выводами других исследователей о вкладе социальных установок в формировании психологической безопасности личности [2]. Возможно также, что в описанном факте проявляется значительно больший акцент на проблемах безопасности, который родители и другие взрослые делают в процессе воспитания девушек, в сравнении с юношами, который, согласно полученным в нашем исследовании результатам, может наносить некоторый ущерб их жизнеспособности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, сформулируем ответы на исследовательские вопросы, представленные в разделе «Постановка проблемы исследования». Согласно полученным результатам, содержание конструкта «безопасность городской среды» в сознании молодёжи включает в себя преимущественно угрозы, связанные с возможностью виктимизации со стороны людей, не входящих в ближайшее социальное окружение. Субъективная оценка безопасности городской среды является значимым предиктором жизнеспособности юношей и девушек, прежде всего в аспектах индивидуальной и семейной жизнеспособности. При этом, в случае юношей наибольшее значение имеют оценки, основанные на реальном опыте переживания угрожающих событий, произошедших с ними на улицах города, тогда как жизнеспособность девушек определяется, прежде всего, субъективными оценками городского пространства по шкале «опасное – безопасное», которые не обязательно подкреплены реальным опытом переживания угроз.

Важно отметить, что сформулированные нами выводы получены на материале выборки, состоящей преимущественно из молодых людей, имеющих опыт переживания повседневных угроз незначительной или умеренной интенсивности, но не событий, которые по силе воздействия можно было бы назвать экстраординарными, поэтому сделанные нами выводы не могут

быть экстраполированы на анализ жизнеспособности молодых людей, столкнувшихся с высокочисленными событиями, угрожающими их жизни и благополучию. В то же время именно выводы, полученные на материале анализа повседневных угроз, переживание которых широко представлено в опыте молодых людей, могут использоваться для разработки программ содействия укреплению жизнеспособности молодёжи, в которых необходимо фокусировать внимание не только на создании условий для проработки травмирующего опыта, но и на содержании установок в отношении безопасности городского пространства, а также программ, направленных на формирование навыков безопасного поведения в городской среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомаз С. А., Козлова Н. В. Психологическая безопасность как условие развития личности (аналитический обзор современного состояния проблемы психологической безопасности) // Материалы всероссийской конференции «Синтез теории и практики управления регионом»: региональная научно-практическая конференция. Томск, 2009. С. 27–35.
2. Богомаз С. А., Козлова Н. В. Модель личностного развития подростков и юной с учетом переживаемого ими чувства собственной безопасности в условиях трансформации российского общества // Сибирский психологический журнал. 2010. № 36. С. 14–19.
3. Влияние психологической безопасности на оценку качества жизни / Н. В. Козлова, О. В. Панферова, И. В. Атаманова, Э. И. Мещерякова, Т. Е. Левичкая, Д. Е. Зуева // Сборник научных статей по материалам конгресса «Психическое здоровье человека XXI века». М.: Городец, 2016. С. 119–122.
4. Зотова О. Ю. Психологическая безопасность: субъективный образ объективной реальности? // Векторы психологической безопасности современного общества: доверие и субъективное благополучие: Материалы VII международного симпозиума. Екатеринбург: Издательство «Гуманитарный университет», 2016. С. 28–32.
5. Куфтяк Е. В. Возрастные и гендерные особенности жизнеспособности в юношеском возрасте // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Т. 23. № 4. С. 31–33.
6. Лактионова А. И. Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2017. 236 с.
7. Лызь Н. А. Безопасность человека в зеркале науки // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. 2004. № 1. С. 138–142.
8. Махнач А. В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2016. 459 с.
9. Махнач А. В. Жизнеспособность человека как предмет изучения в психологической науке // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 5–16. DOI: 10.7868/S0205959217040018.

10. Микляева А. В., Румянцева П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? СПб.: Речь, 2011. 160 с.
11. Наличаева С. А., Дячук А. К. Жизнеспособность как фактор устойчивости к дезадаптационным проявлениям у молодежи // Институт психологии Российской Академии Наук. Организационная психология и психология труда. 2019. Том 4. № 2. С. 44–91.
12. Предикторы оценки личностью степени безопасности жизненного пространства / Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, Л. В. Тарасова, Н. А. Белоусова // Человеческий капитал. 2018. № 3 (111). С. 67–78.
13. Шамионов Р. М. Субъективное благополучие и психологическая безопасность личности // Дружининские чтения : Сборник материалов XV Всероссийской научно-практической конференции / под ред. И. Б. Шуванова, В. П. Шувановой, С. А. Барановой, Ю. Э. Макаревичской. Сочи: Издательство Сочинского государственного университета, 2016. С. 171–175.
14. Depressive Symptoms, Social Support, and Violence Exposure Among Urban Youth: A Longitudinal Study of Resilience / A. B. Eisman, S. A. Stoddard, J. Heinze, C. H. Caldwell, M. A. Zimmerman // *Developmental Psychology*. 2015. Vol. 51 (9). P. 1307–1316. DOI: 10.1037/a0039501.
15. Fergus S., Zimmerman M. A. Adolescent resilience: A framework for understanding healthy development in the face of risk // *Annual Review of Public Health*. 2005. Vol. 26. P. 399–419. DOI: annurev.publhealth.26.021304.144357.
16. Frey C. U., Röthlisberger C. Social support in healthy adolescents // *Journal of Youth and Adolescence*. 1996. Vol. 25. P. 17–31.
17. Interdisciplinary study of safety perception of urban environment as a factor contributing to development of contemporary urbanization processes typology / I. A. Drobyshev, S. N. Lykova, N. D. Makushkina, I. P. Vorontsova // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2017. Vol. 10. № 1. P. 1876–1882. DOI: 10.17516/1997-1370-0188.
18. Life threat and posttraumatic stress in school-age children / R. S. Pynoos, C. Frederick, K. Nader et al. // *Archives of General Psychiatry*. 1987. Vol. 44 (12). P. 1057–1063.
19. Marley C., Mauki B. Resilience and protective factors among refugee children post-migration to high-income countries: a systematic review // *European Journal of Public Health*. 2019. Vol. 29 (4). Pp. 706–713. DOI: 10.1093/eurpub/cky232.
20. Masten A. S. Global perspectives on resilience in children and youth // *Child Development*. 2014. Vol. 85. P. 6–20. DOI: 10.1111/cdev.12205.
21. Nurius P., LaValley K., Kim M.-H. Victimization, Poverty, and Resilience Resources: Stress Process Considerations for Adolescent Mental Health // *School Mental Health*. 2020. Vol. 12 (1). P. 124–135. DOI: 10.1007/s12310-019-09335-z.
22. Richters J. E., Martinez P. The NIMH community violence project: I. Children as victims of and witnesses to violence // *Psychiatry*. 1993. Vol. 56 (1). P. 7–21.
23. Schultze-Lutter F., Schimmelmann B. G., Schmidt S. J. Resilience, risk, mental health and well-being: Associations and conceptual differences // *European Journal of Child and Adolescent Psychiatry*. 2016. Vol. 25. P. 459–466. DOI: 10.1007/s00787-016-0851-4.

24. Ungar M., Hadfield K. Canadian The Differential Impact of Environment and Resilience on Youth Outcomes // *Journal of Behavioural Science*. 2019. Vol. 51. P. 135–146. DOI: 10.1037/cbs0000128.
25. Ungar M., Liebenberg L. Assessing resilience across cultures using mixed methods: Construction of the child and youth resilience measure // *Journal of Mixed Methods Research*. 2011. Vol. 5(2). P. 126–149. DOI: 10.1177/1558689811400607.

REFERENCES

1. Bogomaz S. A., Kozlova N. V. [Psychological safety as a condition for personality development (analytical review of the current state of psychological safety)]. In: *Materialy vserossiiskoi konferentsii «Sintez teorii i praktiki upravleniya regionom» : regional'naya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Proceedings of the All-Russian conference "Synthesis of the regional management theory and practice": regional scientific and practical conference]. Tomsk, 2009, pp. 27–35.
2. Bogomaz S. A., Kozlova N. V. [A model of personal development of adolescents and young men, taking into account their sense of their own security in the context of the transformation of Russian society]. In: *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Psychological Journal], 2010, no. 36, pp. 14–19.
3. Kozlova N. V., Panferova O. V., Atamanova I. V., Meshcheryakova E. I., Levitskaya T. E., Zueva D. E. [The influence of psychological safety on the assessment of the quality of life]. In: *Sbornik nauchnykh statei po materialam kongressa «Psikhicheskoe zdorov'e cheloveka XXI veka»* [Collection of scientific articles based on the materials of the congress "Mental health of the person of the XXI century"]. Moscow, Gorodets Publ., 2016, pp. 119–122.
4. Zotova O. Yu. [Psychological safety: a subjective image of objective reality?]. In: *Vektory psikhologicheskoi bezopasnosti sovremennogo obshchestva: doverie i sub'ektivnoe blagopoluchie : Materialy VII mezhdunarodnogo simpoziuma* [Vectors of psychological safety of modern society: trust and subjective well-being : Proceedings of the VII international symposium]. Ekaterinburg, Publishing House "Humanitarian University" Publ., 2016, pp. 28–32.
5. Kuftyak E. V. [Age and gender characteristics of vitality in adolescence]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2017, vol. 23, no. 4, pp. 31–33.
6. Laktionova A. I. *Zhiznesposobnost' i sotsial'naya adaptatsiya podrostkov* [Vitality and social adaptation of adolescents]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publishing House Publ., 2017. 236 p.
7. Lyz' N. A. [Human safety in the mirror of science]. In: *Izvestiya Taganrogskogo gosudarstvennogo radiotekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Taganrog State Radio Engineering University], 2004, no. 1, pp. 138–142.
8. Makhnach A. V. *Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: sotsial'no-psikhologicheskaya paradigma* [Human and family vitality: social and psychological paradigm]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publishing House Publ., 2016. 459 p.

9. Makhnach A. V. [Human vitality as a subject of study in psychological science]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2017, vol. 38, no. 4, pp. 5–16. DOI: 10.7868/S0205959217040018.
10. Miklyaeva A. V., Rumyantseva P. V. *Gorodskaya identichnost' zhatelya sovremennogo megapolisa: resurs lichnostnogo blagopoluchiya ili zona povyshennogo riska?* [Urban identity of a modern metropolis inhabitant: a resource for personal well-being or a high-risk area?]. St. Petersburg, Speech Publ., 2011. 160 p.
11. Nalichaeva S. A., Dyachuk A. K. [Vitality as a factor of resistance to maladaptive manifestations in young people]. In: *Institut psikhologii Rossiiskoi Akademii Nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology], 2019, vol. 4, no. 2, pp. 44–91.
12. Perelygina E. B., Zotova O. Yu., Tarasova L. V., Belousova N. A. [Predictors of an individual assessment of safety]. In: *Chelovecheskii kapital* [Human capital], 2018, no. 3 (111), pp. 67–78.
13. Shamionov R. M. [Subjective well-being and psychological safety of a person]. In: Shuvanov I. B., Shuvanova V. P., Baranova S. A., Makarevskaya Yu. E. *Druzhininskie chteniya: Sbornik materialov XV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Druzhinin Readings: Proceedings of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference]. Sochi, Sochi State University Publishing House Publ., 2016, pp. 171–175.
14. Eisman A. B., Stoddard S. A., Heinze J., Caldwell C. H., Zimmerman M. A. Depressive Symptoms, Social Support, and Violence Exposure Among Urban Youth: A Longitudinal Study of Resilience. In: *Developmental Psychology*, 2015, vol. 51 (9), pp. 1307–1316. DOI: 10.1037/a0039501.
15. Fergus S., Zimmerman M. A. Adolescent resilience: A framework for understanding healthy development in the face of risk. In: *Annual Review of Public Health*, 2005, vol. 26, pp. 399–419. DOI: annurev.publhealth.26.021304.144357.
16. Frey C. U., Röthlisberger C. Social support in healthy adolescents. In: *Journal of Youth and Adolescence*, 1996, vol. 25, pp. 17–31.
17. Drobyshev I. A., Lykova S. N., Makushkina N. D., Vorontsova I. P. Interdisciplinary study of safety perception of urban environment as a factor contributing to development of contemporary urbanization processes typology. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 1876–1882. DOI: 10.17516/1997-1370-0188.
18. Pynoos R. S., Frederick C., Nader K. et al. Life threat and posttraumatic stress in school-age children. In: *Archives of General Psychiatry*, 1987, vol. 44 (12), pp. 1057–1063.
19. Marley C., Mauki B. Resilience and protective factors among refugee children post-migration to high-income countries: a systematic review. In: *European Journal of Public Health*, 2019, vol. 29 (4), pp. 706–713. DOI: 10.1093/eurpub/cky232.
20. Masten A. S. Global perspectives on resilience in children and youth. In: *Child Development*, 2014, vol. 85, pp. 6–20. DOI: 10.1111/cdev.12205.
21. Nurius P., LaValley K., Kim M.-H. Victimization, Poverty, and Resilience Resources: Stress Process Considerations for Adolescent Mental Health. In:

School Mental Health, 2020, vol. 12 (1), pp. 124–135. DOI: 10.1007/s12310-019-09335-z.

22. Richters J. E., Martinez P. The NIMH community violence project: I. Children as victims of and witnesses to violence. In: *Psychiatry*, 1993, vol. 56 (1), pp. 7–21.

23. Schultze-Lutter F., Schimmelmann B. G., Schmidt S. J. Resilience, risk, mental health and well-being: Associations and conceptual differences. In: *European Journal of Child and Adolescent Psychiatry*, 2016, vol. 25, pp. 459–466. DOI: 10.1007/s00787-016-0851-4.

24. Ungar M., Hadfield K. Canadian The Differential Impact of Environment and Resilience on Youth Outcomes. In: *Journal of Behavioural Science*, 2019, vol. 51, pp. 135–146. DOI: 10.1037/cbs0000128.

25. Ungar M., Liebenberg L. Assessing resilience across cultures using mixed methods: Construction of the child and youth resilience measure. In: *Journal of Mixed Methods Research*, 2011, vol. 5(2), pp. 126–149. DOI: 10.1177/1558689811400607.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 01.06.2020

Статья размещена на сайте: 25.09.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Горьковая Ирина Алексеевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; e-mail: iralgork@mail.ru

Микляева Анастасия Владимировна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Irina A. Gorkovaya – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Human psychology department, Herzen State Pedagogical University of Russia, e-mail: iralgork@mail.ru

Anastasia V. Miklyaeva – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Human psychology department, Herzen State Pedagogical University of Russia, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Горьковая И. А., Микляева А. В. Субъективная оценка безопасности городской среды как предиктор жизнеспособности молодёжи // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Gorkovaya I. A., Miklyaeva A. V. Subjective assessment of urban environment security as a predictor of youth resilience. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.